

Мы из двадцатого столетия

В 1942-м он, 19-летний лейтенант, оказался в самом пекле войны – в Сталинграде, командовал батареей реактивных установок «Катюша» и вступил в партию

Воспитанные на Гайдаре

В детстве и отрочестве Михаил Пеймер ужасно завидовал мальчишкам из произведения Аркадия Гайдара, из кинофильма «Красные дьяволята»... Мечтал о подвигах. Для ребят, не призванных в армию по состоянию здоровья, жизнь тогда нередко теряла смысл. В классе с Михаилом учился мальчик, Сережа Тихомиров, переболевший в детстве какой-то болезнью, с непослушными руками и ногами. В армию его не взяли, но когда началась война, он ценой невероятных усилий был зачислен в ополчение. И... погиб в первом же бою.

В своих мемуарах Михаил Николаевич описывает, как гулял по набережной Волги с любимой девушкой Лидой, как они захлеб обсуждали планы на будущее. А тогда, в воскресный день 1941-го, на пути к Лидиному дому влюбленные наткнулись на толпу людей у громкоговорителя. Счастливые улыбки с лиц исчезли.

В понедельник рано утром Михаил прибежал в районный военкомат, чтобы первым попасть к военкому, и потребовал немедленно зачислить его в действующую армию. Но всех выпускников десятилетних школ направляли в военные училища. Чемодан Михаил собирал сам, взял на дорогу два куска хлеба с маслом. Мачеха гнетуще молчала, не пожелав с ним проститься. В тамбуре, переживая беспричинный мачехин бойкот, он глотал слезы обиды и курил одну за другой дешевые папиросы. Но скоро обиды сменились мыслями о войне.

Михаил стал курсантом 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Красина. Он сразу же попросил направить его в огневой дивизион. Это звучало романтично. Так и представлялся пареньку командир-громовержец, по команде которого на противника обрушивается шквал огня из корпусных орудий.

Несмотря на начавшуюся войну, училище продолжало жить еще полтора-два месяца в штатном режиме военного времени. В столовой были официантки, подавались супы в суп-

ницах, а вторые блюда в открытых вазах. Но в конце июля, когда Москва была объявлена на военном положении, все это сразу было отменено и ввели жесткие нормы на хлеб и порционные блюда.

Взять высоту!

Боевых дней в биографии Михаила Пеймера более 270 из 1418 дней войны. Он воевал на пяти фронтах.

— Однажды я увидел, что какой-то полк противотанковых 45-миллиметровых пушек ограбил свои орудия трупами и немецких, и своих солдат, обложенных со всех сторон снегом и политых водой. Это кошунство тогда поразило меня, а потом я признал рациональность этого метода. Но позаимствовать опыт я не намеревался, — описывает Михаил Николаевич одну из рано наступивших зим трагического, сталинградского, 1942-го.

С наступлением холодов солдат приодели в теплое белье, а командирам батарей выдали отменные полушубки, как утверждали интенданты, подарок монгольского народа. И это стало началом еще одной напасти, кроме фашистской. На солдат пошли в наступление полчища вшей.

— В тот раз в Ерзовке к нам пожаловала фронтальная передвижная баня с установкой для температурной обработки нижнего белья и верхней одежды.

Читатель этих строк пусть не удивляется, как глубокий старик без всяких дневников, без чьих бы то ни было подсказок помнит имена, номера частей, даты. Мне иногда кажется, что я болен непроходящей памятью о Великой войне. Да ведь не только я...

Михаил Пеймер. Из рукописного дневника «Мы из двадцатого столетия»

Начинание было прекрасным, если не считать то обстоятельство, что вся солдатская одежда не была поименно помечена, и это после вожделенной бани вызвало возню и суматоху, сопровождавшуюся крепкой солдатской бранью и даже дракой. Кстати, полушубки прожарке не подверглись и сохранили всю кровососущую фауну в целости.

Позиции, которые занимала батарея гвардии лейтенанта Пеймера, находились в центре города, у подножия Мамае-

25 февраля Михаил Николаевич Пеймер, участник Великой Отечественной войны, член Ярославской Ассоциации жертв политических репрессий, отметил свой 96-й день рождения. Участник обороны Сталинграда, он освобождал Белоруссию, Литву, Восточную Пруссию, за что награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

ва кургана. Очень тяжелым был штурм высоты Мамаев курган.

— Мы шли с разведчиком и связистом от Яблонево балки сначала в полный рост, потом перебежками или ползком под бомбами. Добрались до основания кургана. Там стоял наш подбитый Т-34, — вспоминает Михаил Николаевич. — Под ним начальник штаба стрелкового полка и еще несколько человек. Я спросил, где его батальоны. Он ответил: «Сплошной огонь. Залегли. Майор, командир полка, тоже там впереди». Я предложил отвести батальоны вниз, и тогда я смог бы по радиации передать своему командиру дивизиона дать залп из «Катюш». Это открыло бы дорогу наступлению и подавило огневые точки противника. Начальник штаба сам ничего решать не стал, позвонил командиру дивизии и сказал, что лейтенант от «Катюш» предлагает такой вариант. В ответ командир стрелковой дивизии заорал: «Кто у вас командует? Командир полка или лейтенант? Вперед! Взять высоту!» Потом из-под танка я в бинокль наблюдал, как поднялся майор, командир полка... Он встал во весь рост, призывая солдат подняться на штурм. Солдаты стали вставать, но под шквальным огнем командира сразу убили. Солдаты залегли...

Обсмеяли за Блока

Высшее командование, по словам Пеймера, было отличным, а вот среднее звено командиров после репрессий 1937 — 1938 годов крайне слабым. Минимальное военное образование. Воевали чуть ли не с шашками против танков. Людские потери были часто от неграмотности командиров, не знающих современной тактики войны. Молодых лейтенантов многие из них не любили.

Неприятно офицеров, несведущих в военной науке, Миха-

ил испытывал на себе довольно часто. Каждый из них был отцом семейства, у каждого были дети.

— Однажды совершенно неожиданно для меня Чичко и Гаврилко вошли ко мне в блиндаж и с ухмылками предложили пойти с ними «по бабам» в отдельную банно-прачечную роту, расположенную в неглубоком тылу на берегу малого ручья в лесу. В отдельном помещении старого барака на столе стояла бутылка с самогонем, кружки и закуска. Встретили нас три женщины, одна из которых, помоложе, предназначалась, видимо, мне. Я вооружился гитарой и спел мое любимое танго «Луч луны упал на ваш портрет». Молодая женщина пригласила меня на прогулку. Летняя ночь была светла. Очарование леса подействовало на меня, и, усевшись на берегу, я читал Бальмонта, «Незнакомку» Блока и что-то из Есенина. Спутница моя, не проронила ни слова, оставаясь безучастной ко всему происходящему. Беспокоясь об оставленном надолго подразделении, я попрощался и ушел, не ожидая своих спутников. А утром стал предметом всеобщего осмеяния.

Нелепо, страшно...

— 31 января 1943 года. Под Сталинградом в котле оказалась 6-я армия генерала Паулюса. Несколько месяцев мы понемногу сживали кольцо, преодолевая сопротивление фашистов, — вспоминает Михаил Николаевич. — В тот день я шел от командира в расположение батареи и услышал невнятный шумок. Услышали его и пехотинцы из своих окопов. Стали всматриваться в темноту и увидели фигуры немцев. Они шли медленно, ошупью, с поднятыми руками, большинство без оружия. Мы их усадили, отобрали несколько автоматов. Немцы шли сдаваться ночью, чтобы избежать риска быть расстрелянными своими, выполняющими роль заградительных отрядов. Присмотревшись к этим поникшим, одетым во что попало, утратившим солдатскую выправку и ожидающим своей участи людям, наши солдаты стали посмеиваться, протягивать пленным табачок, а кое-кто и припрятанную горбушку.

После Сталинграда Пеймера направили в штаб Гвардейских минометных частей Западного фронта. Тогда уже готовилась секретная операция «Багратион» по освобождению многострадальной Белоруссии от гитлеровской оккупации.

Убитых в батарее было не так много, но раненых и отправленных в госпитали хватало. Одна потеря потрясла молодого лейтенанта своей нелепостью и трагизмом. Это произошло в один из дней перед боем за городок Велау в Восточной Пруссии.

— Во дворе фермера был укрыт танковый батальон, который мы поддерживали огнем. Танкисты обнаружили бочку с ликером, как они полагали. Это была прозрачная жидкость с приятным ароматом. Многие отговаривали смельчаков пробовать зелье, мол, ликер в металлических бочках не транспортируют и не бросают на дороге. Не послушались. Робко нацедили немного резиновым шлангом в солдатский котелок, уселись в кружок человек пять, глотнули для пробы, пришли в восторг и глотнули побольше. Приглашен к пируеству был и лейтенант Савенко, командир огневого взвода. Впил пахучую спиртовую настойку. Позвал друзей. Вскоре у участников попойки появилась пена на губах, удушье, и они потеряли сознание. Механик, помпотех дивизиона, предположил, что это была жидкость для системы охлаждения двигателей, незамерзающая...

Савенко, как вспоминает Пеймер, и еще двое из батареи умерли в полевом госпитале. Это были еще совсем молодые ребята, начавшие воевать в 1944-м, лейтенанту Савенко не было и девятнадцати. Разбирательств тогда не последовало. Погибли, похоронили, сообщили родителям о достойной гибели... и все. Война!

Я честно воевал

Михаил Пеймер закончил войну в Кенигсберге, где бои шли до последнего дня войны. Но с июня 1945-го по 1952 год он был в заключении в Воргутлаге.

— Меня сослали за то, что я восстал против ареста и ссылки наших пленных, освобожденных из немецких концентрационных лагерей. Я сказал об этом в Политотделе 24-й Гвардейской бригады, где я был командиром батареи. При аресте у меня отняли награды и наградные документы, письма родных, мои дневники, именные часы от Политотдела (с документами за подписью маршала Жукова). Мне потом так и не удалось многого из отнятого вернуть. Я честно прожил жизнь, честно воевал. И, несмотря ни на что, хочу сказать молодым: любите Родину, как любили ее мы.

Анастасия СОЛОВЬЕВА

Фото Ирины ШТОЛЬБА